

с м е н а

33

огиз • „молодая гвардия“ • 1931

лесу еще жива ве-
вая уравниловка.
именение прогрес-
вно - премиальной
платы труда поло-
ит конец огромной
кучести рабочей си-
и.
еред комсомолом
оит задача техниче-
и овладеть пере-
зкой—этим слабым
енем во всей лесо-
готовительной ра-
оте.

МОНТАЖ
Н. КОНСТАНТИНОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена 38

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи
ответственный редактор радиологичка — орган ЦК и МК ВЛКСМ
изд. отв.—молодая гвардия — адрес редакции: Москва, центр, б. Чернышевский пер., п. 6, тел. 3-87-31
редакция: Москва, ул. Мухоморова, д. 10, телефон: 2-10-10
номер оформил б. пророков в фотолаборатории процесса под руководством м. соловьева

на лесозаготовках в настоящее время
РАБОТАЕТ 60—70 проц.
МОЛОДЕЖИ

Это дает возможность говорить об ответственности комсомола за выполнение плана лесозаготовок не только по своим молодежным единицам, но и по всему плану в целом.

сосновые, еловые, березовые

очерк г. глазунова

рис. в. константинова

Леса Советского союза составляют 30 процентов всех запасов лесов, покрывающих земной шар.

Лес—рычаг капитального строительства, топливо и прежде всего—валютный фонд СССР. Лес—строительный материал, дрова, экспорт.

Мы приступаем к разработке лесных богатств, которые дремали веками, тысячелетиями, историческими эпохами до Октябрьских времен. Берясь всерьез за лес, мы поднимаем девственные пласты социалистических разработок, поворачиваем к пролетарской творческой инициативе самые глухие дебри и просторы СССР. Наши задачи в лесу грандиозны.

Лес был просто промыслом, надо сделать его промышленностью. Перспективы лесной промышленности величавы. Наш лес—лучший в мире.

В северных сказаниях поют о нашем лесу:

— Стоит он, этот лес, а лесины те, как свечи воскояровые, прямые да ровные, да в два обхвата...

Десятки миллионов гектаров северных лесов непроходимы весной, летом и осенью. Зимой сквозь чащу можно пробираться лишь на лыжах через глубокий снег.

Интервенты знали цену нашему лесу. Они послали генерала Миллера отхватить у нас север.

Архангельские лесорубы сбросили Миллера в море. Затем он все время вспоминался им: пуди и осколки снарядов неизменно попадались в сердцеvine деревьев и портили топоры и пилы лесорубов. Чаща то и дело показывала людям разбитые снарядами в щель гягягские сосны, ели, лиственницы.

Процесс «Промартин» ярко напомнил северянам о Миллере. Лесорубы положили начало постройке нового звена гидросамолетов под девизом: «Наш ответ генералу Миллеру».

Чем дальше поезд уносит на север от Москвы, тем заманчивее красота адешиных мест. Пролески сменяются густыми березовы-

ми, осинными рощами. Лиственные рощи чередуются с хвойными великанами, образующими от Вологод до Архангельска сплошные высококороткие леса. Напрасно глаза стараются охватить, запечатлеть всю красоту, величественность северных лесов. Их просторы необозримы. И не видно им ни конца, ни края...

Огромная часть лесов крайнего севера не изучена, и площадь, покрытая древесными насаждениями, еще не выявлена. Общий размер их по грубо ориентировочным сведениям составляет 50 процентов всех лесов нашего Союза.

На рассвете приходит курьерский поезд в Архангельск. На рассвете просыпается правобережье Северной Двины.

Архангельск, распластавшись на десятки километров по зигзагу устья, отогревается от ночной прохлады северного лета.

Набережная приняла свой пестрый, сутяжный вид. Мужчины, женщины всех профессий и национальностей со свертками, чемоданами бегут на многочисленные зовы гудков.

Звенят трамваи. Вереницы грузовиков, телег, легковых автомобилей тянутся по набережной.

И сразу же бросаются в глаза грузовые и пассажирские пароходы, выстроенные в ряд у причальных пристаней.

Скрывают ледяки, опускают тяжелые ноши в трюмы. Шумят моторы, режут гудки.

Маленькие буксиры вводят за собой в порт огромные иностранные лесозовы. А река! Этот бурный и быстрый поток, омывающий корпусы судов и покачивающий их,—она принимает из-за рубежа все новых и новых гостей...

Следы широко развернувшейся сплавной кампании—тут и там по воде несутся «беспризорные» бревна. Вот катер тащит на буксире длинный плот. За ним другой, третий...

Через час-два плоты будут уже в бассейнах лесозаводов, в нескольких километрах отсюда. Через шесть-семь дней караваны иностранных пароходов-лесозовов, полные экспортной древесины, будут качаться на беспредельной шире Ледовитого океана...

Катера, тащившие плоты, возвращаются в запали с грузом канад- и такелажа.

Подчас—и трамвай перебрасывает от угля Поморской на окраину города, в Маймаксу, к лесозаводу.

В черном мраке выделяются силуэты верхушек деревьев.

Несколько лет назад на территории, где стоят лесозаводы, было дикое торфяное болото, заросшее осокой и мхом. Лишь птицы находили приют в зарослях кустарника, да зайцы, облюбовав себе убежище, скрывались в кочках от диких зверей. А сейчас в этих местах существует двадцать один лесозавод.

Корпуса крупнейшего из них «лесогиганта» «А» озарены светом. По досчатому настилу, ведущему на завод, быстро бегут люди.

Группа рабочих нагнала меня и я, подхваченный людским потоком, очутился в цеху, около лесопильных рам.

Третья смена приступила к работе.

Рубильники включены. Зарычали моторы, загремели подвесные тележки, покатившиеся по узкоколейке.

От неистового визга пил на двенадцати лесопильных рамах задрожали стены цехов. Казалось, силы машины и людей слились воедино.

Процессы производства здесь настолько механизированы, что глаза не успевают улавливать всех движений бревна на пути его из бассейна к бирже пиломатериалов.

Вот бревно подхвачено из воды клямками лесокатки и плавно переброшено на сушу. Рабочие, перевернув бревно багром, отталкивают его в сторону. Элеваторные цепи-самотаски влекут бревно к лесопильным рамам.

Пилы, как хищники, поймавшие добычу, бросаются на дерево, с диким воем стальными зубьями внозаются в древесину, и мелкие опилки падают в подземеелье.

Свежие распиленные доски складываются в тележку и подгоняются к центробежным пилам. Один взмах стального диска, и концы досок в беспрерывном потоке...

В углу, где стоит гигантская рама, работает молодежная бригада. Коренястый бригадир ловко зажимает лантом конец бревна...

— Карев пойдем покурим!— послышался голос Петьки свергуна.
— Убирайся!— крикнул бригадир и, схватив дерево, сунул его в пасты рамы.

У обраного станка получился завад. Испугался станок.

— И куда смотрит администрация!— нервно кричит Карев.— Безобразия! Вчера два часа у первой смены стоял, а нынче у нас.

Ребята! Вы продолжайте пилить, а я сейчас...— Карев бегом понесся по цеху, к механикам.

От неожиданного появления Карева механики, раскрася рта на секунду, застыли с поднятыми чашками.

— Чаек вопиаете! А станок опять на отдых стал!

Кто налаживал пилы?

Обтирая усы подкладкой картуза, из-за стода вышел высокий, худощавый механик-любовств.

— А что случилось?

— Станок испортился? Пошли скорее!

— Да ты не торопись, не торопись. Дай козью ножку выкурить...

— Пойдем! После будешь курить.— сурово крикнул Карев, ухватив за рукав любовства.

— Что ты лрствая, как смола! Обождай малость.

— Обождать!? А работа! И так наш завод не выполняет экспортный план. В хвосте у других летиме! А почему!? А вы тут час распиваете, да козью ножку тинете!...

Пошли! Время не терпите!

Пока механики приводили в порядок станок бригада Карева разгружала завад концов. На помощь подскочили два ударника из молодежного потока Смолина.

Через полчаса опять завизжали центробежные пилы. Кружились опилки, с шуршанием уносившиеся вниз по скользким доскам.

Карев подбодрял ударников.

— Ну, ребята, поднаедем!

Ребята из бригады подкатывали бревна. Другие ударники двигали винты. Пилы вознались в словую мильот.

Де: рассвета гремел завод, в бешеном ритме качались пилы. К приходу утренней смены на красной доске висела сводка выработки бригады Карева.

...За 25 августа юмсомольская бригада Карева поставила новый рекорд распиловки, выполнив суточное задание на 110 процентов.

«Старички-пильщики, проходя мимо красной доски, притаив удивление в лохматые бороды...

Пятый день у причальной пристани лесозавода № 3 грузятся датские пароходы... Высокие мачты слегка покачиваются. Скрипят тросы. Из труб вырываются клубы копоти... Автовозы то и дело гаскают «экспорт» по деревянным мосткам.

Огромные вместилца пароходов заплоаны до-верху.

Последнюю лошу подхватывает лебедка, крутит ее в воздухе и плавно спускает вниз. Ударники-грузчики укладывают доски поперку и в расщелину судна.

Кричат надарывая гудия лесозавозов. Потом тихо пароходы снимаются с якорей и отшвартовываются от берега, пускаются в морское плавание...

Наша машут рукам!... Морьяки, высыпав на палубу, кричат:

— Прощай-те, товарищи!

Вечер. Баргвое солнце утоаает в воде, оставая золотистый отблеск...

По волнистой поверхности скользит огромное судно.

— «Иностранец!»— крикнул кто-то, увидев входящий в наши воды на смену ушедшим, новый заграничный—на этот раз английский—савоз.

По берегам реки взметнулись огни электрических фонарей.

Издали доносится рев пароходных гудков...

Набережная затихает...

В городе попережнему звенят драмван, тархатят телеги, автомобили...

Пароход «Не робей» стоял недалеко от берега и дождался пока в западн климачи сводку и общаговку бускира.

Комсомольцы западни сильно беспокоились, оставивши на ноги всех администраторов. Некоторые из них пошли к председателю комитета, остальные комсомольцы гуртом ворвались в кабинет начальника западни. Складаны, густообравый комсомолец Васка оделся до ребят. Подошел вплотную к столу начальника и уверенным, но еще не отговосшим баском начал:

— Второй день стоит парохода и все через вас, Петр Иванович! Вы виноваты, что не пригтовили бускир...

Начальник молча выслушивал комсомольцев.

— Это просто расхлябанность ваша. Неповоротистость! — шипрвали ребята на предзаконно. Предзаконно, сяжас от холодного ветра, врывающегося в приоткрытую форточку, соглашались с комсомольцами, что они правы; и что он действительно проморгал прибытие парохода.

Начальник западни внимательно глядел на комсомольцев, слушая их, но слова доходили до него слабо. Он и соглашался и не соглашался. — Да кто же это знал. Я думал, что «Не робей» заглодал, а он, как на грех, в срок пришел. Ну, ребята, это в последний раз. Больше такой оплошности с моей стороны не будет...

Комсомольцы пошли работать на бускире, а начальник западни попрежнему оставался в кабинете. Низко наклонив над письменным столом, он что-то писал...

Предзаконно вторично разбрался на столе бумаги и набрался к реке. Рабочие западни, подобранные молодежью с немыворной быстротой закатили на общаговку бускира. Один проволочными ханатами перекачивал бревна, другие багари подготавливали пакеты, складывали их в мешчатинских стблнн и из воры ручной сплели. С заходом солнца бускир уже был готов.

— Шестнадцать тысяч багану есть!

— Все на помощь комманде! — призывают комзаконны.

Комманде «Не робей» заканчивает последние приготовления. Мастера чинят помозамные лопасти колес. Рабочие судна вместе с комсомольцами таскают на носышках грузяк для толков. Проверили, надежно ли привязан бускир к пароходу...

До рассвета продолжалась работа, и с зарею «Не робей», свившись с якоря, ушла вместе с бускиром в Березянк.

На палубу тихо. Солнце, упершись в небосклон, играет лучами на капитанском мостике. Дежуривший на вахте помощник капитана неподвижно стоит и смотрит в даль. За синевой, палаче, скрывается черная полоса леса. Штурвальный молча слушает распоряжений помощника капитана.

— Так держать!

— Есть, так держать!

Штурвальный старательно обходит мели.

В красном уголке тишина. Председатель судового комитета читает в «Правде» последние события за границей. Три молодых рабочих из команды рассматривают в журналах картинки и тихо шепчутся. Они на минуту отрываються от журналов, заглядывают в окно. По берегам реки в Березянке разбросан авариный лес. Мимо парохода и плота стремительно плывут бревна. Пять рабочих бегут по плоту и багари таскают бревна из холодной Двины. Широкоплечий комсомолец Митька, второй раз оббегает плот, осматривает надежно ли держится канат на бревнах.

В машинном отделении шумят моторы, в котельной трещат основные кряжи. Кочегары, потные, раскрасневшиеся от пылящегося в топках огня, делнно похлывают и нехотя вытирают лица грязным полотнцем.

Из котельной через люк ползет зеленый дымок.

ЕСТЬ ПОБЕДА!

Ниево вздохнулось тучами. Солнечный день сменился тенной северной ночью. Ветер поуд сильнее, и на горизонте появились грозные тучи.

Палуба попрежнему пуста. Изредка лишь закружит ветер, появятся чирок, потом быстро убегит в каяту.

В вахте дежурит капитан. Двое штурвальных напряженно сжимают руль и зорко всматриваются в темь.

Размгряется непогод. Холодный дождь хлещет в лицо Митьке. Он один остался на плоту. Поднявшись багаром Митька беспокойно бегаёт по бревнам. Глядя на плескающиеся волны, он кричит:

— Капитан! Пошли плотомку!

По скользящей палубе, на плот ушли два человека...

Из кубрика доносятся несвязные слова песни:

«Ана моя хорошая, Забыла про меня...»

Я выбежал на палубу из красного уголка, оставив на столе зажженную керосиновую лампу.

При свете спичек я спустился в кубрик по скользящим ступенькам лестницы.

Замыл кубрик. Крепко спит и председатель судового комитета в красном уголке при свете зажженной лампы. Но не спит капитан с вехтенным. Они вилась глазами в темноту, и из руки приковались к скользящему рулю...

Волнуется комсомолец Митька, которого послали в западн, сопроводивши плот в Березянк. Митька бегаёт по плоту, скользя багаром по мокрым бревнам. Его одежда промокла, но он с двумя рабочими и не думает уходить с бускира.

За бортом бурлит вода.

— Штор!

— Шестнадцать тысяч бревен!

— Что если разорвется бускир. Пропади все труды даром, — мелькает в уме людей на плоту.

А в кубрике спит беззаботные... Храпач наполняется кубрик.

За бортом тоже страшно. Волны, врываясь на палубу, сносят по пути все, что успеют захватить.

Вобутовалась Двина. Воеет ветер. Волны захлестывают бревна бускира, несут «Не робей» все дальше и дальше.

— Плотка отскокани! — вскрикнул Митька.

— Вторая!

— Плот врется! — неусто закричала из темноты...

— Спасайтесь! — Нервными скачками Митька и двое рабочих бегут к каяту. Один из рабочих, лопав ногой в воду, застрял между бревнами. На помощь подошел Митька с другим рабочим. Секунда, и рабочего бы не стало. Плот начал дикородно дергать и бросать во все стороны.

Когда Митька и рабочие взобрались на палубу, капитан отдад распоряжение:

— Свинать всех наверх!

На зов гудка откликнулись лишь шесть человек. Да вздохмаченный выбежал предкомманде.

— Эх, ребят наших нет! — с затеанной обидой пробурчал Митька.

А в кубрике спят... Бускир разорвало. Шестнадцать тысяч бревен уносились волнами возбужавшейся Двины, а «Не робей», робко пошатываясь, завернула в обратный путь...

Капитан Брюхов нагнувшись на лоб затасканую кепку — жест ознаачающий приближения опасности. Опасность надвигалась, неотвратимая, как ночь. Помрачело небо, бурливо поднялись полотнощие реки, расхлослись вешенные гребни воды.

Сто тридцать семь тысяч — целый десонувит, полмиллиона рублей тащил пароход «Кара Любихина» навстречу опасностям, шторму и глубокой ночи.

— Эх, не достигнул даже до Черного Яра... — с сердечной тоской капитан обращается к штурвальным. Окнув взглядом бускир длиною больше километра, капитан скомондало:

— Свинать всех наверх!

— Авраа! — проносился по судну с быстротой молнии.

Кубрик опустел. Двое из команды уже были наверху. Из машинного ползали маленькими, торопясь выбежал председатель судового комитета.

— Все наверх!

Тучи низко неслись над рекой, проливая холодный дождь.

Небольшой пароход, застигнутый штормом, бросил барку, скрылся в темноте.

— Держись за поручни, за бускирные арки!

С палубы было видно, как шторм подрывал грузные бревна.

Барку прибило волнами к бускиру и забрало бревнами.

Видно было, как по ней кружились водозанг, стараясь ослышать шум ветра и удары бревен. Машинист Нерадовский пустил машину на полный ход. Ковальскину билась механизмы.

Кочегары подрывались в топку кирпича. Пламя языками врывалось в котельную, опаяя брови и ресницы кочегаров. Дым, потокм лихившийся из трубы, расхлосился в черноте ночи.

Гигантские волны прибили бускир к берегу.

Началась борьба людей со стихией, аврал со штормом.

С болью смотрели матросы, как вода разбухала буксир.

Смело сел и забой вложено в этот боковой буксир! Такого буксира на Двине не было. С каким трудом он составлен. Когда пародол пришел в Березки, собрался производственное совещание. Команда дала слово везучим в Архангельске.

— Брать на буксир не менее ста тысяч илюминин.

Нигде этого многотоннажного буксира не оказалось. Уполномоченный северного управления речтранспорта дал слово—буксир вам будет, но буксир не приготовил. И команда сама принялась за дело. Из восьми кусков был составлен буксир. Двое суток возились рабочие со сводкой и сборкой испанского парохода.

Слухом полонил не только земля, но и вода. Команда парохода «Роза Люксембург», соревнующаяся с командой «Карл Либкнехт» ревниво отнеслась к этим слухам.

— Ну, такие буксир только «Роза» может брать.

Команда «Карла-Либкнехта» хвасталась.

— В соревновании первенство будет наше.

Рано утром буксир тронулся. За пародолом гнался река леса в сто тридцать семь тысяч пилеодины.

Команда единодушно решила:

— Не спать ни одному, всем зорко следить за буксиром.

И ночью, когда светился рубиновый и синий глаза встречных пародолов, мерцали огни зловещих красных башен, команда выполняла условия аврала.

Авральная бригада следила за буксиром, крепилась слабые места, вылавливая плывущий лес.

В начале в Брин-Наволке, где составляла буксир, на огромной красной доске была сделана надпись:

— Буксир 140 тысяч имени аврала.

Уполномоченный крайкома партии, работавший на пароходе, дал разумный совет:

— Рано приваивать доску, не доходя двух дней до Архангельска. Приведем после Тройчегоры...

И здесь схватка со штормом поставила всю команду перед грозной опасностью потерять авторитет, сорвать условия соревнования, отдать шторму дорогой буксир.

Идет Бодинак с парохода «Карл Либкнехт» не отдадут волнам без боя доверенные им помпидинола. На буксир для крепления бросались семь смельчаков. Никто не уходил с плавбуя. С таким интересом наблюдали с «Карла Либкнехта», как разбрасывало сорочкасыный буксир парохода «Сурмалет», где команда безуспешно пыталась спасти остатки...

Трагедия часов продолжалась схватка аврала со стихией, а когда непогода начала сдавать—тогда считать мы стали рабы.

Буксир пострадал незначительно. Закрепленного дополнительно снастями, его снова потащили вниз по Двине. На ветре, под осенней связью, на буксире, котораи скардала от воя, остались удальники аврала: Целуев, Рошкин, Коляшин, Никонов, Крисов, Жуков, Дурасов.

Авральная победа. В Архангельский порт гигантский буксир был доставлен. На плавбуе, в решетках борта была привита красная доска с надписью: «Буксир 140 тысяч имени аврала».

Победа коллектив, победа опытность командира, энергия парячейки и комсомола. В тот же день команда «Роза Люксембург» и «Свердлов» пришли с такой же вестью о победе над штормом.

Кто победил из этих передовых отрядов аврала—сказать трудно. Конец навигации выявит победителя соревнования.

Команда парохода «Карл Либкнехт» в ответ на обращение сибрайкома дала слово:

— Не приходите в порт без 100-тысячного буксира. Команда свое слово сдержала. Она вторично доставила в порт громадный буксир. Четырнадцатидесять удальников «Карла Либкнехта», отгнавшись по времени штормового рейса, во главе с капитаном судна подали заявление в партию, шесть молодых водников вступили в комсомол. Это будут настоящие большевики!

На каждое судно

комсомольскую ячейку

Пять ударных заданий секретаря ЦК партии т. Постышева явились генеральной программой действий для всего комсомола Северного края.

Развертывание социалистического соревнования, культурно-массовой работы, борьба за сплавщиков, сплоченность, водников, борьба за чистый брак, общежитие, за четкую бесперебойную работу кооперации, за выполнение и перевыполнение плана по экспорту леса, по сплаву, по охороне— вот основные задания, которые вея и ведет борьбу северный комсомол.

От верховьев Северной Двины до ее устья, там, где добываются ценные породы леса в западных, биржах, портах, лесозаводах, по всех отдаленных углах Северного края писем о т. Постышева вызвало новый подъем творческого энтузиазма молодежи, направленного на выполнение стоящих перед краем хозяйственно-политических задач.

В тех западных, биржах, лесозаводах, где комсомольцы взяли большевистский разгон в работе, на основе социалистического соревнования—появились большие достижения. Образцы показателя имеет биржа № 4 на Бакарские. Если до письма т. Постышева Бакарка выполняла суточное задание на 55—70%, то сейчас грузчики и стевидоры выполняют свои задания на 130—140%. Соревнованием охвачены все рабочие.

Двино-Вяжские (центральная зона) объявляя себя ударной комсомольско-молодежной и юнит имя т. Постышева.

Шидровская зона, запад Макречина в первое время были отстающими. Непогода мешала в работе западной. После действительной перестройки работы эти же запади стали в передовые шеренги борцов за сплав.

Комсомол и молодежь Северного края на письмо т. Постышева отвечали еще большим энтузиазмом производительности труда.

Бригада Полозова (Шидровка), Ветугина (Макречина) давали на механических станках больше намеченных планом 150 куб. м. на человека по 230—250 куб. м. в сутки на человеке.

Бригада Махина (Макречина) по ручной работе давала вместо 60 куб. м. намеченный планом, по 90—103 куб. м. в сутки на человека. Бригада Карева (Лесозавод «А») план распилки выполняет на 110—115%. Таких бригад в западных, биржах, на лесозаводах десятки отов.

Но на всех их участках работы хорошо обстоит дело? Нет, далеко не на всех. До его времени плохо работают лесозаводы №№ 23, 22, 12, 5 и др. Между тем лесозаводы №№ 4, 3, 14 и др. все время перевыполняют свои задания. На отстающих заводах еще преобладает обязателька станков, механизмов, ураниловка в зарплате, плохо работают красные уголки, не выведена грязь из бараков и общежитий, слабо работает кооперация.

Это обязывает комсомол и рабочую молодежь Северного края отстающие участки обеспечить повседневным вниманием и помощью.

Обслуживание сплоченного леса из запади производится преимущественно при помощи пародолов.

В текущую навигацию в северном бассейне облетели аврал. Из команд 74 пародолов, обслуживающих буксировку, включались в аврал 250 пародолов.

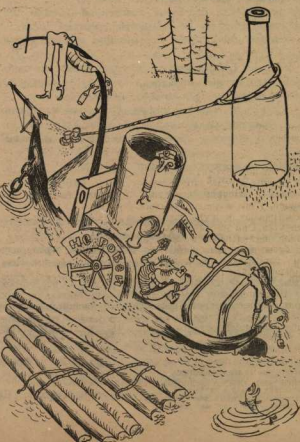
Выше 250 команд пародолов дали proletарское слово по-авралному работать, по-авралному соревноваться до конца навигации. Более 200 команд самоовернулись на водном транспорте.

Команды обязались работать круглые сутки и уничтожить ненужные простои.

Некоторые команды — команда парохода «Свердлов», «Карл Либкнехт», «Роза Люксембург»—работают ударно, сократили даже намеченные сроки по очистке колов. Однако есть такие команды («Не робей», «Якша», «Дядюль»), которые простаивают треть часового времени. Есть же с их прр из судов не ижита являема, расхлябанность в работе. По пышке и недисциплинированности более всех отличились пароходы «Не робей» и «Дядюль».

Задача ближайшей даты для комсомола Севера—организовать на каждом судне комсомольскую ячейку. Это—дальнейшая вить под свое влияние один из основных участков сплава—речной флот.

рисунком маэруку

очерн г. г-ова

СПЛАВЩИКИ ушли в запань

Тихо в бараках, не слышно песен и переливов гармонки. Лишь уборщицы шуршат щетками, моя полы, да на кухне шипят котлы с варевом и кашей.

Сплавщики ушли в запань¹

Старший десятник механической сплотки, он же отсекер комсомольской ячейки—Багрецов похаживает по бревенчатому настилу и о чем-то размышляет.

— Значит так... так...—шепчет Багрецов.

Потом отсекер подбегает к бригадиру молодежной бригады Ветлугину и предупреждает его об опасности, грозящей запань. Труд не организован как следует. Соревнования нет. «Старички» дезертируют.

Бригадир в ответ на слова секретаря кивнул головой и направился к станкам, где возилась молодежь, скручивая проволоочными канатами бревна в плитки². Ветлугин остановился.

— Ребята, сегодня нам нужно приналець. Откажемся от лишних перекурок и по-настоящему возьмемся за дело. Согласны?

— К чему вопрос! Конечно согласны!—послышался визгливый голос Нюрки.

— Значит решено...—повторил бригадир.

— Решено!—хором бросила ребята.

Закришени станки, зашуршали бревна, медленно ползущие от залома к станкам.

На залома³ стоят пять сплавщиков Ловко цепляя баграми за концы бревен, они толкают их под первые ворота.

Нюрка с другими девчатами бегаёт по переладные сортировочных ворот и, пристально всматриваясь в подылающие бревна, направляет их багром по каналам, ведущим к механическим станкам.

Ветлугин то и дело подбодряет ребят, а они, налегая на ручки станков, быстро крутят вал. Плитки поочередно отходят от станков.

— Балану⁴ мало! Капбалки⁵ не достаёт!—кричит бригадир заломщикам.

¹ Запань—место, где складывают бревна.

² Плитки—вебольше плиты.

³ Залом—сколодене бревна в валала.

⁴ Балану—экспортный кубный дог.

⁵ Капбалки—экспортные длинные бревна.

Сплавщики, работающие на залома, начинают торопиться, быстрее проталкивают бревна в ворота. Нюрка, потная от напряжения, скользит глазами по бревнам, толкает их багром, и они послушно уносятся водой в каналы.

Но вот Нюрка видит, что ей не успеть рассортировать бревна, и она громко предупреждает заломщиков:

— Ребята! Тише гоните бревна.

Заломщики останавливаются и ждут, пока сортировщицы разгрузят ворота...

Плотный, среднего роста бригадир Пашка работает на ручной сплотке. Бригада связала несколько плиток. Пашка встает, утирает платком потное лицо.

— Ну, ребята, покурим!

Молодежь рассаживается на бревнах.

Недалеко от Пашкиной бригады работает бригада «старичков»—так в шутку называют молодежь взрослых сплавщиков.

«Старички», связав несколько плиток, тоже садятся на бревна и, затягиваясь махорочным дымом, заводят разговор.

Степан Павлович—пожилой сплавщик, с приплюснутой нижней челюстью, посмотрел на бригадников.

— Нет, так работать бесподручно. Лучше в деревню к жинке на побывку уйти, а потом можно заглянуть в Шидровскую. Там, пишут в газетах, хорошая столовая, кооператив ничего и зарплата не так, как тут...

— Эй! Чего засели,—доносится с залома окрик десятника ручной сплотки.

Молодежь и «старички», почесывая затылки, лениво берут багры, заткают за пояса топоры.

Степан Павлович все еще продолжает сидеть. Сощурился глаза, он поглядывает то на десятника, то на ветлугинскую комсомольскую бригаду, увлекшуюся работой, ни на минуту не отрывающуюся от дела... Вот он встал, бросил окурок в воду и поерол по связанным плиткам к воротам...

— Так работать бесподручно.

В поддень пришла вторая смена...

Ветугин вместе с Костей и молодежью гуртом ушли в столовую. За ними пошли все остальные сплавщики первой смены.

На обрывистом крутогоре полукругом сидят комсомольцы. Отсек Багров открыл собрание.

— Итак, внеочередное собрание ячейки считаю открытым. Высокий, с выступающими на лице скулами и внимательными глазами партприкрепленный товарищ Гайдомак тихо, но убедительно объясняет, почему запань Макречиха за последнее время снизила темпы сплютки.

— Дело в том, что мы еще работаем по-старинке, не выполняя указаний тов. Сталина.

Взять хотя бы станки. Кто за них отвечает, когда они испортятся? Никто. А это, ребята, называется безбедкой. К тому же у нас плохо по части закрепления и расстановки рабочей силы... Не умеем мы проводить культурной работы среди остальных сплавщиков, а поэтому из нашей запань уходят рабочие.

Вчера ушло трое. А почему? Потому что мы не занимаемся со сплавщиками культурной работой. А не ваше ли это дело? Вчера вот Ветугин с бригадой выполнил 160 процентов плана. Надо поощрять передовика, чтобы они давали еще больше выработки. У нас этого пока нет. Что ячейка сделала для того, чтобы опыт ветугинцев был передан всем бригадам? Почему другие бригады не соревнуются с Ветугиным? Ведь тов. Постышев в своем письме северному комсомолу прямо сказал: «Возьмитесь по-большевистски, по-коммунистически за дело организации социалистического соревнования, устранив этот позорный для васу прекрасную работу пробей». А как вы это выполняете? Пока геваяло. Поэтому и считаю, — заканчивает Гайдомак, — что сейчас ячейке надо переключиться на новые рельсы. Работать.

Два часа продолжался прения.

— Мы, — сказал Ветугин, — объявляем себя ударниками и участвуем на соревнование все молодежные бригады запань.

Ветугин пришел с бригадой на работу.

Все ребята осмотрели станки, очистили их от ненужного хлама и решили:

— С этих станков — никуда.

Первые два дня были перебор в работе. То заломщики слабо подают древесину, то, наоборот, отстают ребята, работающие на станках.

В чем секрет?

На третий день ребята перераспределили между собой работу. Двояк рабочих с сортировочных ворот послали на залом, а на ворота и к станкам поставили еще шесть рабочих. Результаты оказались через восемь часов ударной работы. Бригада Ветугина выполнила план на 223 процента.

В других бригадах началось оживление. Сплавщик Чабанов со своими ребятами, еле выполнявший норму, начал перевыполнять план на 125 процентов. Пашкина бригада по ручной сплютке стала вырабатывать вместо 50 кубометров на человека по 90 кубометров.

«Старички» — сплавщики, сидя в красном уголке, одобрительно поддакивали:

— Заорев комсомолка завернула.

Круглолицая блондинка Бушманова, бригадирша женской бригады, работающей на канбалке, беседует с девчатами. Возле них, окружив гармониста, толпятся парни. Гармонист, с расстегнутым воротом, весело улыбаясь, растягивает меха гармонки, поет частушки. В бараке большинство — старички. Багров, сидя на скамейке, объясняет сплавщикам, почему плохо работает кооперация.

— Торговать не умеем, вот в чем причина. Но надо вам

сказать, что через неделю наладим дела в кооперативе. От комсомолки пошлем в кооператив Нюрку Бушманову, она работу поставит сумеет.

Сплавщики глядят на беззубого секретаря ячейки.

— Говорить — наладите дела... посмотрим.

— Мы вот с Михенцем хотели убежать с запань, а теперь обождем. Пока в этих сапогах работать можно, поработаем. Верно, Михенц?

— Что ж, можно поработать, Никанор Иванович. Только чтой-то я не верю, что нам выдают сапоги.

— Ты, Михенц, оппортунизмом не занимайся, — улыбаясь, сказал секретарь ячейки.

— Правильно говорит комсомол, — выступил колхозник Сидоров. — Комсомолы за пояс нас заткнули. К примеру Ветугина взять. И выработка в его бригаде хорошая. И газеты о ветугинцах стали печатать... А о нас что писать, коль мы работать не хотим правильно? — Нечего говорить, товарищи, нам надо учиться работать у комсомолы.

Ветугин подсаживается к Михенцу.

— Михенц, закуривай.

Михенц потянулся к пачке худой рукой:

— Что ж, можно...

С приходом комсомолки Бушмановой в кооператив работа резко изменилась в лучшую сторону. Комсомольцы помогали своему товарищу в кооперативе. Когда нужно было, сами ребята ездили в район за протомоторами.

Сплавщики перестали жаловаться на кооператив. Зато под огонь самокритики попали жилищные условия.

— От грязи никак не избавиться, клопы покою не дают.

Багров посоветовался с комсомольцами. Единственно было решено объявить борьбу с грязью в бараке, начать борьбу — соревнование за чистую койку.

Через три дня в бараке воцарилась чистота. Каждый сплавщик следил сам за собой. Кто забивался и бросал на пол окурки или входил в барак с грязными ногами, — тому комсомольцы вежливо напоминали, что в бараке существует черная доска.

За три недели запань Макречиха вышла на первое место в районе Котлацкого бассейна. Ветугинцы крепко держали первенство, особенно после того, как была введена премияльно-прогрессивная сделчина.

Каждый вечер, когда сплавщики шли в столовую, они останавливались около свода выработки бригады. И каждый раз в первой строке красным карандашом было написано:

За 16 июля бригада тов. Ветугина план выполняла на 220%.

...За 19 июля бригада тов. Ветугина план выполняла на 243%.

Другие бригады, подписавшие договор на соцсоревнование, тоже выполняли план на 120—150 процентов.

И когда к Ветугину подходили старые сплавщики и спрашивали, в чем секрет высокой выработки, — он отвечал:

— Секрет нашей работы в том, что мы твердо закрепили за своей бригадой станки, ввели премияльно-прогрессивную сделчину, развернули конкретное соревнование с другими бригадами и станками. Это и только это принесло нам победу... Мы твердо сумеем отстоять свое первенство в борьбе за лес, за высокие темпы сплютки.

Тихо в бараках, не слышно лесен и переливов гармонки. Лишь уборщицы шуршат щетками, моя полы, да на кухне шипят котлы с варевом и кашей.

Сплавщики ушли в запань.

Абсолютно недопустимо, когда в ряде районов, за исключением Севера, в лесу не имеется комсомольских ячеек. Такое отношение должно быть в корне изменено. В каждом лесопункте, квартале в кратчайший срок должны быть созданы лесные комсомольские ячейки.

— Я хочу поведать вам,
чтобы в нем говорили тышин".
А. Визинский

Зима 1928 года.

Бушевала метель в ташкинских Шенкуровских лесах. Таига вздрагивала при каждом порыве ветра.

Барак, приспособившийся к забору, безжалостно замора. В окна, забитых снегом, ковылялись тени людей. Штробя древесные черенки на снежной поляне. Повалецны деревья расстилали нетни на мягком, как вата, снегу.

В бараках вали метель.

Молодой парень сидел на скамеечке и, заглядывая в книгу, вслушивался, как бевновалась на воле бездушная пурга, как от порывов ветра поскрипывали деревья.

Из-под одеяла высунулся сонный человек.

— Никита, ты еще не спишь? Брось книгу, дойся.

— Дочитай и лягу, — глухо проговорил Никита, наклонив над книгой.

В окна била ветер. По замерзшим стеклам шуршала снежная пыль. Никита подбросил в грудку снега, накинуд на плечи позушубок и вышел на двор. Ветер захружид хоромо метели. Снег забивался за воротник позушубка, в открытые щели влезло.

И зачем эта метель? Хотя бы увялась под утро...

Никита зашевелил дверь на забор и скрылся в сонном бараке... Утром пурга не унималась. Давно проснувшиеся лесорубы сидели в бараке и раскуривали махорку. Никита вместе с группой молодежи обсуждал план действий.

Ну что вы, ребята, поили на работу.

Некоторые лесорубы, глядя в окно, перешептывались друг с другом и нерешительно соглашались. Большинство лесорубов твердо поддерживало Никиту и на весь барак проносилось:

— Пошли. Пошли...

— Куда вы, ребята, — вылезал старей лесоруб. — На гибель идее. Ребята расхотелись и горькой вышли из барака.

Пурга ревели. Кружилась снег между деревьями. Шумели ели, сосны, лиственницы.

И под вий пурги застучали топорами лесорубы, пронзительно заставляли пилы.

— Эй, отдохните, — подхватил и унес ветер слова.

Высокая сосна, как скошенный камыш, взметнулась в воздухе. Ветви потонули в глубоком сугробе.

В бараке шел оживленный разговор. Бороздате лесорубы, возмущенные делами молодежи, не хотели пророчить своим имен.

Надевая рукавицы, плотно захаживаясь в душегрейку, зипунки, они хотя и против своего желания, как бы из мести Никите и ребятам, шли на лес, на работу.

Вечером, когда все лесорубы были в сборе, Никита вместе с тремя комсомольцами находившимися в бараке, организовав собрание. Выступил один из комсомольцев.

— Значит, дела сегодня гаковы, — начал ол. — У нас на участках взрослых лесорубов отставание есть, а молодежи перевыполняет планы. На эту тему мы и поговорим. Ну, в общем собрание считую открытым. Докладит Никита Колосов.

— Просим, просим, — гудели лесорубы.

— Постояте, ребята. Тише, — успокаивал собрание Никита.

В тугу заребькала балаалайка.

— Брось играть, дай послушать, — обратился к балаалаечнику старей лесоруб.

— Дело все в том, товарищи, — начал Никита, — что у нас на участках плохо насчет дисциплины. А без дисциплины у нас работа не будет идти хорошо.

Митяа «Косой», с дождиком, как воздок, бороздо, с узкими лысными глазами, вслушивался в каждое слово.

— А какая еще дисциплина нужна? — пробурчала Митяа. — Мы и так работаем с последних сил.

— Плохо работаете, товарищи, — продолжал Никита. — Ты вот, Тихон Петрович, насколько выполняешь задания? — обращался Никита к старому лесорубу.

— И-то? Да по четыре кубометра на человека рубим...

— Видишь. По четыре кубометра на человека. А задание у нас по четыре с половиной. Наша бригада свой план выполняет на 125 процентов. Мы вчера по пять кубометров на брата махиди, а плаваера и вовсе по шесть в день заработали. Вот есен б, Тихон Петрович, у нас в бригаде была дисциплина, организованность, тогда бы и вы стали выработать по сто и больше процентов.

— А вот и выработаем, — крикнул кто-то из бригады Тихона Петровича.

— Это будет очень хорошо, — подхватил Никита.

Проходила зима. Никита, завоевав твердые позиции в бараке, стал чаще поговаривать с лесорубами о том, чтобы они после рубки леса шли в запы на сылку древесины.

Многие соглашались с весной пойти к реке, но Митяа «Косой» с нескрываемым лесорубом и саудать не хотел Никитиных слов.

— Ну, это не Никита, а степня кака-то. Не слышит тебе голову, дерукал на уме «Косой».

Лужи апрельского солнца растопили снежные заносы, сливал покровы зямы. Отряхнули ели, сосны, лиственницы белоснежную пыль...

Никита Колосов, получив задание заправского лесоруба, вместе с ребятами ушел на сылку, в запы. В запы, где работал Никита, пришел последний парод, чтобы взять последний плот и доставить его в Архангельский порт.

Команда судьи, закончив последние приготовления, раскаянула по палубе и дождавшись пока пародок синется с якоря.

На берегу, в красном уголке, происходило собрание Руководители запы обсуждали, кого отправить с буксиром.

— Я желаю ехать, — заявил Никита, — вызываю сплавщиков, может, еше кто добровольно поедет.

— Я тоже желаю ехать...

Единогласно было решено отправить с буксиром пять человек.

— Я считаю, — проговорил секретарь партчейки, — что бригадиром надо назначить Колосова. Он парень деловой, без аварий сумеет справиться. Правильно? Бригадир у нас будет Никита, — подхватили четверо избранных сплавщиков.

Никита со своими друзьями отправился на буксир...

Капитан дал сигнал...

Пародок, отшаровавшись от берега, потащил плот вниз по Северной Двине...

Никита вместе со сплавщиками наблюдал за буксиром, вылаивав из воды пывший мост австрийский лес.

Свыше четырех дней пародок тащил буксир. На пятый день вечером буксир уже находился в окрестностях Архангельска, в бассейне лесозавода № 26.

— Давно тебя Никита попустил на завод.

— Мечта моя, лесозавод, — не раз повторял он.

Тануло Никиту в чехе к станкам, к лесопильным рамам.

Пришел Никита в заводской кабинет и заявил:

— Я хочу поступить к вам на работу... Вот мои документы.

... ..
Работа навальщиком на 26 заводе, Колосов стал учиться и вскоре получил квалификацию верхинного обрезака.

Приходя с работы домой, Никита набрасывался на газеты, книги и не отрываясь просиживал до глубокой полночи. А утром до гудка, он уже был в цеху, омычал свой станок, помогал механикам — устанавливал наладжывать пилы лесопильных рам...

Активная общественная работа в цеху, в красном уголке, борьба за дело своего производства, сблизил ударника Колосова с партиорганизацией, открыли ему путь в ее ряды.

На завод № 3 Колосов пришел в начале этого года. Только что Никита ознакомился с условиями работы, комсомольская организация послала его в молодой поток, сдавший своим первенства взрослым рабочим.

Молодежь с первого ли оценила своего нового товарища, избрала его бригадиром.

Трудно было восстанавливать дисциплину и авторитет опозорившего себя проработав безудачно молодежного потока.

Обременя новой конструкцией стояла из-за недостатка частей и частей поломок.

Вырастали завалы досок у обрезаки, не ладился работа на рамах. Но Никита умело достигла своего, не хотел подышать доверия вечами.

В перерывах между работой бригадир собирал ребят, организовывал беседы, обсуждал с ними все неполадки.

— Ребята, мы приставлены к станкам, вырабатываем экспортную древесину, — вылаю. Нам надо особенно усилить работу, а мы работаем плохо. В чем дело? Дело в том, что мы еще не освоили технику своих станков, не знаем, как устроены новые машины. Я предлагаю пойти на курсы...

— Принимаем.

Вместе с механиком Никита проводил ночи на заводе, ремонтировал новую обрешку. По ходу работы бригадир расширявал механика обрешки устройства машины. Не являясь Никита сложного устройства обрешки и начал вечерами учиться на курсах по переквалификации верхинных обрезаков...

Техника обрешки была освоена, и машина стала послушно исполнять приказы молодого бригадира.

Во втором квартале текущего года комсомольцы объявили свой поток скванцы. Это возложило на них еще большую ответственность за порученную им работу.

Две рамы, обрешка, две лесопилки, дроворезка, обслуживаемые двумя наладжниками, стали не иметь ни одной минуты простой.

— Воздуха не пилить! — под такт денимом работает окозкомозженный скванкой поток.

Разбили комсомольцы старые нормы работы. Десятки рационализаторских предложений, внесенных Никитой и его бригадой, дали огромный эффект в работе.

Быстрой задолбался досок, рейки в руках комсомольцев. План распылов «железисто стал выполняться на 110-115 процентов.

Завод № 3 сейчас является передовым — в борьбе за высокую производительность труда. Комсомольский скванкой поток — лучший под руководством Колосова. Никита — лучший из лучших на заводе.

На вчере ударником комсомольской бригаде Колосова вручено переходящее красное знамя Крайсовпрофа. Вся бригада была премирована. Никита Колосов получил десятую премию за пятнадцатую борьбу на лесном фронте...

Никита Колосов стоит у обрешки. Из-под режки кельи на полаты над падает пучок белозарных волг. Разом у лесопильных рам и станков, работают комсомольцы. В режках движущих молодых рабочих чувствуется непоколебимость и самоотверженное упорство.

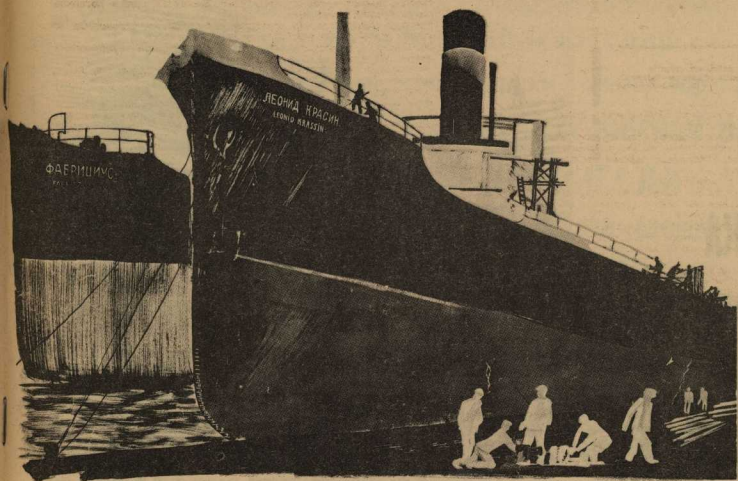

рис. в. люшина

лесная промышленность стала на путь
внедрения в лесозаготовки и лесозаводы
ВЫСШЕЙ ТЕХНИКИ

на реконструкцию лесобработывающей промышленности за последние годы истрачено свыше

100 млн. руб.

на промышленное освоение лесов израсходовано уже свыше

400 млн. руб.

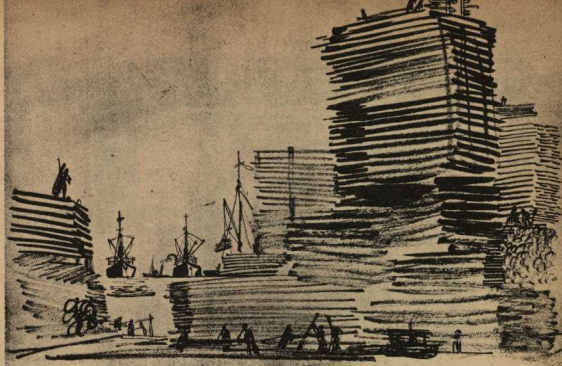
на улучшение культурно-бытовых условий истрачено свыше

100 млн. руб.

к концу 1932 года
должно быть
механизировано

50%

всей лесовывозки

БИРЖА

держит темпы

От города Архангельска до самой большой биржи Экспортгеса Бакарицы на катере пятнадцать минут езды. Несмотря на близость краевого и районного центров, биржа оставалась незамеченной. Суточная норма погрузки систематически не выполнялась. Показатель—55—75 процентов—был наилучшим.

Две с половиной тысячи рабочих в две смены грузили иностранные пароходы. В свободное от работы время рабочие спали, как медведи в берлогах, в грязных неуютных бараках, отмахиваясь от мух, клопов, тараканов.

Ничего это не интересовало. Секретарь ячейки комсомола, беспартийный парень, считался заведующим комсомолом, а 68 комсомольцев жила так сами по себе. Вопросы производства, улучшением жилищно-бытовых условий и развешиванием культурно-массовой и политической работы комсомольцы совершенно не занимались.

Тов. Постышев будучи в Архангельске, новость биржу и рассказывал о безобразиях, которые творились на ней.

Комсомольское руководство было немедленно обновлено. Секретарем коллектива комсомола послан член бюро архгоркома комсомола. Многие организации края направили своих уполномоченных на ликвидацию прорыва.

Работа пошла вперед.

Комсомольцы вместе с рабочими прорабатывали письмо-тов. Постышева—«Пять ударных заданий северному комсомолу». После проработки письма рабочие решили провести дезинфекцию барakov, открыть красные уголки, провести конкурс на лучший барак, кое-кто удивлялся и посмеивался.

— Чудаки, выводить тараканов вздумали.

Однако превратить «схлевы» в культурные жилища значило—обеспечить перестройку производственной работы.

В бараках началось поломдние, поелба, перетряска постелей.

Барак стал уютным.

Но производство все же не выполняло программу. Предложения рабочих маршировали в штаб администрации. На бирже по-прежнему была обезличка пароходов, инвентаря. Бригады не выработывали нормы.

Людей было много, но работа не улучшалась.

Некоторые уполномоченные, не находя себе дела, шатались по бирже.

Ячейка собрала всех уполномоченных и прикрепляла каждого к определенному участку работы, к баракам, к бригадам.

С каждого требовали выполнения конкретного задания по своему участку.

Комсомольцы проверяли исполнение.

Столовая и кооперация были подвергнуты жесточайшей критике. Заведующего столовой пришлось снять с работы, завухней привлечь к ответственности.

В кооперацию ячейка послала двоих комсомольцев.

Устранив недостатки в бытовой, в культурной работе и в снабжении рабочих, комсомол бросил свои силы на производство. Прикрепили бригады к пароходам, к отдельным видам работы. Инвентарь, лошадей отдали под наблюдение бригад, которые за них и отвечали.

Выгляди обезличку с биржи. Это стало предпосылкой для развешивания социалистического соревнования. Скорные бригады объявляли себя ударным, заключили договор на социалистическое соревнование.

Все рабочие самоакреплены до конца сезона на погрузке. Были введены «планы-наряды». Каждой бригаде заранее выдавали «наряд» на работу с указанием места работы. Процент выполнения заданий пошел в гору—98,10%, 137%, 140%. Биржа держала темпы, выработывая ежедневно по 137—140 процентов.

Впереди всех шли комсомольские и молодежные бригады—Шубного, Дороница, Карелина, Саравы и Блинова. Нередко эти бригады работали по полторы, по две смены без перерыва, перевыполняя суточное задание в два раза.

Много иностранных лесовозов ушли в море нагруженные раньше срока. Простоявали только те пароходы которые для погрузки не имели лесоматериалов.

Биржа стала одной из передовых, ударных бирж Архангельского порта. Все эти достижения завоеваны только благодаря правильной расстановке партийно-комсомольских сил, перестройке работы по-новому.

Первые сдвиги в работе биржи поставили комсомольскую организацию в иные условия. Старые формы работы не удовлетворяли существующих требований. Нужно было перестроиться таким образом, чтобы в каждой бригаде было комсомольское ядро, группа, охватывающая своим влиянием всю беспартийную молодежь.

Рост комсомольской организации позволил создать в каждой крупной бригаде ячейку ВЛКСМ.

Ячейка в бригаде Шубного в ответ на обращение краевого комитета партии о погрузке в июле всех пароходов, находящихся в порту, обязалась свой пароход кончить вместо 14 августа 27 июля. Ровно 27 июля в 6 часов утра этот пароход грузным вышел в море. Таких примеров много.

Рост комсомольской организации бригады Бакарицы № 4 резко поднялся. За первые две декады принято в комсомол 263 ударника. Сейчас организация насчитывает свыше 450 человек.

Однако комсомол Бакарицы должен знать, что пять ударных заданий Т. Постышева выполнены еще не полностью. Впереди много работы.

Под руководством краевого комитета партии и комсомола биржа Бакарицы готовится к новым победам. Занимаясь политобразованием, комсомольцы Бакарицы изучают свое производство, усиленно готовятся к зимнему сезону.

опыт ударного метода в лесу

дал сокрушительный удар

по минималистским нормам, показал образцы новой

социалистической работы

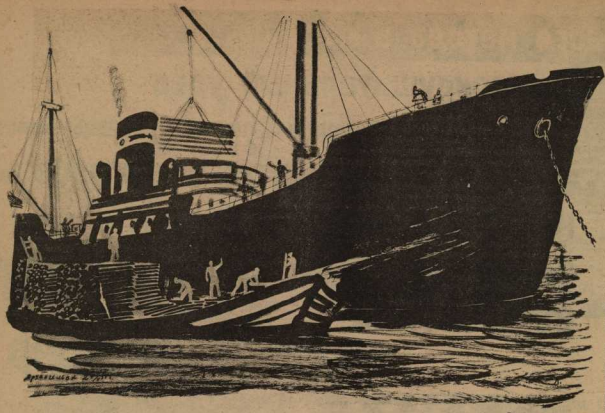
КОМСОМЛЬСКАЯ БРИГАДА

Вожегодского леспромхоза (номи-область)

ВЫРАБОТАЛА до 12 км.,

ПРИ НОРМЕ 3,5 км.

рисунком в. люшина

САША ШИРЯЕВ

ал. брагин

Нет такого уголка в Котласском бассейне, где бы не знали ударника Ширяева. Александр ударником стал не только на сплаве, он был подлинным героем и на других работах.

Вступив в колхоз, Ширяев свою ударность показал на социалистических полах. Окончив полевые работы, Ширяев с колхозниками, которые избрали его бригадиром, ушел на лесозаготовки. В Министерском лесопункте, Кичменско-Городецкого района, Ширяев работает образцово. Социалистическое соревнование и ударничество, подлинно большевистская работа дали возможность ширяевца поднять норму выработки.

Бригада Ширяева стала первой по участку. По ней равнялись все колхозники. Бригада Ширяева за ударную работу была премирована три раза. Последняя премия 750 рублей. Ширяевцы ежедневно рубили и вывозили в день по шести кубометров на человека. Ковчидис, лесозаготовки, Александр Ширяев меняет топор на багор и переключается на молельный сплав. Здесь Ширяев становится в шеренгу передовиков.

После II пленума ЦК ВЛКСМ Ширяев идет в комсомол.

После молельного сплава Саша пришел в Шипицкую заповедь. Здесь Ширяев не замечал, он работал один, вне бригады. Пер-

вые дни Ширяев работал на рубке и погрузке балана. Вскоре Ширяев организовал бригаду. В конце июня бригада Ширяева вышла на ручную сплотку. После окончания работы на Шипицкой заповеди ширяевцы перекочевались на Вычегодский бон. В новой заповеди красная доска ежедневно показывала победы ширяевцев. Темпы ручной сплотки бригады Ширяева догнала до 103 кубометра на человека.

На заповеди кривая выработки ежедневно пошла вниз. Вычегодский бон задание выполнял на 70—80 проц.

Низкая производительность труда загрозила Ширяеву и, несмотря на запрещение врача работать в воде, Александр вновь собирает бригаду. 19 сентября Ширяев вернулся на заповедь. Первый день работы сразу дал блестящие результаты,—ширяевцы снова являлись на красной доске. Бригада ежедневно поднимает темпы в работе.

Ударники побили рекорд по ручной сплотке по всему бассейну. Ни один сплавщик не давал 113 кубометров на человека, а неэквивалентированный молодой Ширяев этих показателей добился.

Бригада о Ширяеве отзывается хорошо.

—Он работает по-боевому, а за ним тянутся и мы. Ударник Ширяев должен быть премирован.

БРИГАДА БАБИНА СНОВА В ЛЕСУ

ваган

Саше Бакину восемнадцать лет, он—комсомолец Липовского сельсовета, Шенкурского района.

Осенью 1930 г. Саша организовал бригаду из комсомольской и колхозной молодежи. Двадцать человек в главе с Бакиным ушли в лес...

Молодежь начала постройку барачков. Кулаки хотели сорвать строительство, подговорили наиболее слабых ребят из бригады Бакина на дезертирство. Кулацкая агитация, как червь, подтачивала бригаду. Началось дезертирство. Даже и более твердые ребята были не уверены в победе на строительстве барачков.

Видя такое положение, Саша создал экстренное собрание бригады. Кулацкая агитация была разоблачена. Бригада решила в ответ на вызовку классового врага досрочно закончить строительство барачков. Закончили на пять

дней раньше срока. Комсомольцы сами кледи печи и конопатили стены.

Бригада Бакина первая объявила себя ударной и вызвала на социальное соревнование другие бригады.

В первое время вырубали по три кубометра на человека. Бакину оказался позором такой темп работы. Он выработал в день пять кубометров и вызвал на социальное соревнование всех бригады.

Когда все бригады Бакина начала вырубать по пяти кубометров на человека, старики—они не вырубывали и трех кубометров—решили «присрамить» молодежь—выработать по шести кубометров.

Начался жаркая схватка молодежи со стариками.

В первый день старики превзидли молодежь—выработали по 6 кубометров на человека. Вечером весело смеялись: «А, комсо-

молы, боляно уж хвастались своей работой, думаете, работать старика не умеют?» На завтра стремительней падал лес под ударами топоров. Вечером выяснилось: выработали и старики и молодежь поровну—7 кубометров на человека.

Соревнование квартал Липовского лесопункта досрочно закончил лесозаготовитель Бакин и его бригада были премированы по сплотку раз.

15 сентября 1931 г. Бакин снова организовал бригаду из девушек и первым ушел в лес. Бригада обязалась проработать до конца лесозаготовок и вызвала последовать ее примеру всю остальную молодежь Липовского сельсовета.

Саша Бакин работает бригадиром. Он уверен в победе на лесозаготовках.

Н. Лебедев-Курган

ДВЕ БРИГАДЫ

(из поэмы „Наступление на Север“, выходящей в биб-ке „Смена“)

Сосны и сосны.
Сосна и сосне.
Сучья в тоске своло.
Греет тяжелый
Таежный снег
Комки крутых стволов.
Забьет беззвучье

В ночной тиши.
Только, шумя слегка,
Вычешут чучи в холмах вершин
Пепельные бока.
Только проедет и поднимет шум
Взлыо рогов оленей...
Сквозь здесь лесных
И воцаря шуб
Бродит и шум
И день?!

Э-э-э-э-э-э!
Берегись, козь вола врасплох.
Гостем и тайге в постель:
Будет свидетель—
Столетний м'х—
Хруста твоих костей.

Кто врбейт
Сидельчаку помочь.
Жизнь уберечь, врачом!
—Ходит проворная
Хищная ночь
Зверем и палачом.
Сюда, где зны
Всех зны лютят.

Где пречат звериную жизнь тайга,
Где ненавистная для людей
Хозяйничает цыганя,
Где стелются устья сибирских рек
Сюда с товором пришел дровосек.

Гордость участка
И в сводках и в деле:
Депа Абашев
Старший артели.
Гордость участка,
Моя отряда,
Сметливый,
Строгий не вь годам...
Правда, он не был на баррикадах
И фронта не видывал никогда.
Но в революции он не спутник.
Робко вставший в ряды постовых—
Деку подвинул наши будни
От пастухов—до гередовых...

Нога клетевой о труде лесорубов
Занался глотки фашистских свор
Депа с большой
Комсомольской группой
Помел в тайгу за советский топор.
Крыли морозы, давя острастку,
Депа—плавил мороз в труде.
И вот сегодня его артель—
Первая по всему участу!

—Вот, по соседству артельщики Афоня

Бывших хозяев отпрыск живой:
Раньше имел он свою маслобойню,
Стадо коров на полсотни с лихвой,
Две лесосеки (теп'рь порешоны),
Землю и в пахоте и в целине...
А Депа „трубил“ у него погузмизмом
И носит, как память, рубцы на спине.
Почет был Афоне.

Все Тихону радый...
По зман он брал в лесосеках подряды,
Соседи рубили, да гуляис в дугу,
И редкий у Тихона не был в долгу!
В новой окраске—старый туалу
Он уж теперь не подрадкин, а просто
Старший артели,

Как все —„лесоруб“!
Чтобы свободнее были руки,
Чтобы в „делах“ не вимать грехов,
Выбрал себе из целой округи
Песговорившее мужиков.
Рубит тихонько:

—Что за вотопа,
Все не ослиный—
Тайга велика!..
Выбрал и держит свое Афоня
В пельих—жменных руках!
Артель б'льшая,
Тихона уважает.

Не уважишь—получишь шиши!

Как делают топоры?

В пять утра становится топорник в очередь у кладовщика. Монотонно тикают часы на стенке. Очередь длинная: сотни рабочих ушли, стоют дуть за другом в холодной кладовой.

Один человек создает на Златоустовском заводе весь топор—вытачивает ребра, площадку, стенки, лезвие.

На цеховом собрании Вася Позников предлагает оставить каждому рабочему только одну операцию—рабочие будут работать пятёрками.

Вся работа разбита на пять оборотов. Станки будут составлены в группы—у каждой бригады свой участок. При бригадной работе бруски можно подвозить к станку: рабочий не будет стоять по утрам в очереди.

— Молодой! Молодой ты, Вася!—говорит Сердюк, крепко потирая ладонью поредевшие серые волосы.—Я сорок лет работаю, моя личность в газетах пропечатана. Кадровик! И весь топор один делал.

Из толпы торопливо кричат:

— Знаёб мы эти штуки!
— Потом расценки снизят!

Вася Позников считает голоса. Весь цех глосует за единичную работу. Каждый за себя. Завтра опять топорники станут в длинную очередь к кладовщику, опять один рабочий будет вытачивать ребра, площадку, стенки, лезвие,—один делать весь топор.

Вася ходит по цеху и настаивает «Буденного». Нужно показать рабочим высоту бригадной работы. Цех недорого ценит слова, рабочий привык уважать только дело.

— Ты—комсомолец, Халтурин?—спрашивает Вася.

— Да.

— Пойдем за мной!

Среди визга и скрежета точильных камней проходит по цеху Вася Позников, а за ним неслыша бредет Халтурин. Потом в бригаду приходит Сережка Панцырев, Митяка Краско, Андрей Босов.

После второй смены из цеха выходит Сердюк. Старик мурлычет под нос тихую песню. На перекрестке старика догоняет Вася.—Работай по-нашему, отец,—кричит Вася, хватая старика за руку.—У нас будет триста топоров в смену!

— Триста?—спросил Сердюк и остановился среди дороги. Мальчишки, спляска хотят догнать его—производственника, кадровика. Он сорок лет стоял в очередь за брусками, сорок лет делал первоклассные златоустовские топоры.

— Я—старый человек, Вася!—сказал Сердюк со злостью.—Покажи, как вы умеете работать.

И он хлопнул кланиткой.

— Кто бонтас?—спросил Вася.

— Я не боюсь!—сказал Халтурин.

— Я не боюсь!—сказал Панцырев...

Пять комсомольцев сидят за пятью станками. Молчанье в топорной. Выключены моторы. Остаются розовые бруски топором у дальних торнов. Рабочие бросили работать и окружили бригаду.

Вася берет брусок и крепко прижимает его к камню. Зеленые искры бьют из-под колеса. Ребра Вася обтачивает в 30 секунд и бросает топор Сержке Панцыреву.

Точка площадки—35 секунд. Сережка весело скалит кривые зубы. Триста рабочих смотрят на его серые от пыли руки.—Не робей, Вася!—шепчет Сережка, передает топор

рис. КОНСТАНТИНОВА

Механизация лесогазетовки

Андрюшке Босову и берет второй. Андрюшка Босов точит стейки 15 секунд. Время идет, как поса. Дмитрий Красько обтачивает лезвие. Коли Халтурин подкрутит топор на последнем обороте. Готовый топор со звоном падает на каменные плиты пола.

Как тихо в цеху. Старик Сердюк смотрит куда-то в сторону и только желтые пальцы шевелятся у карота козловоротки. — Вот наши топоры, Сердюк! — говорит Вася. Бригада сделала 350 топоров в смену. Старик Сердюк — кадровик и производственник, сорок лет корневник у станка, в смену не выговня и пятидесяти.

Полночь. Дико ревет гудок. Вася Позников выходит из проходной будки. В проулке — темнота. Вася сворачивается в проулк и разлом:

— Пклучай, ударник! — камень пробивает ему голову. Он падает в канаву, лицом в холодную и жидкую грязь. В тишине слышны шаги убегающих.

Вася ползет по грязи, закусывая до крови ладонь, чтобы не закричать.

Заводские сторожа подбирают его на перекрестке и отнесли в больницу.

Утро. У окна на койке лежит Вася — голова забинтована, глаза ввалились. В больницу робко входит Сердюк. Шпцаро смазанные легким салом греют, как телега, среди больницы тишины.

— Бери в бригаду! — говорит Сердюк. Утром весь завод узнает о покушении на ударника.

В топорном цеху организовалось шесть ударных бригад.

150 рабочих кузнечного цеха вступили в партию.

Рабочие центрально-инструментального цеха требуют устроить показательный суд над арестованными хулиганами.

— Пятьдесят пять станков при бригадной работе делают сейчас то, что раньше делали 80. В сутки наш цех дает 15 000 топоров. Это очень хорошие топоры — целиком сделанные из высококачественной стали. Но запасы высококоротной стали ограничены, и завод получает на второе полугодие 1930 г. только 50% нужного количества.

Инженер садится, вытирает синим платком лоб. Председатель играет замком портфеля. Тогда к столу подходит Вася Позников. Белая повязка пересекает его темный от загара лоб.

— Топор делают весь из лучшей стали. А нам нужно только лезвие хорошее. Разве кому-нибудь нужен хороший обух? — спрашивает Вася.

Председатель роняет на пол карандаш, мастер пассивно усмехается.

— Мы, как отцы, как деды... — говорит мастер.

— Вот и беда, Иван Тимофеевич, как что отцы! Электросварка на заводе есть?

Мастер пожимает плечами. Конечно, на за-

воде есть электросварка. Ну, а дальше что? — Вася предлагает катать лезвие из хорошей стали, а обух из второсортной, потом сварить электросваркой.

— Кто против? — спрашивает председатель. Собрание голосует за. Только мастер еще глубже засовывает руки в карман потрешной бешени.

— Так ты против, Иван Тимофеевич? — спрашивает в упор Вася.

Мастер со злостью кричит:

— Эх, Вася, — беспоконный ты человек! — и торпонило поднимает руку.

На другой день приступают к опытным работам. Прокатывают лезвие из лучшей стали. Обух выковали из отбросов.

На электросварке сваривают вместе лезвие и обух. Слеса сварки нет.

Потребление высококоротной стали сократилось на сорок процентов.

Производственная программа на год полностью обеспечена запасами стали.

Новый топор дешевле сплошного на 25 копеек.

В первый же год Златоустовский завод получил миллион рублей экономии.

Вот какой человек Вася Позников — златоустовский рабочий и большевик!

А топоры, действительно, первоклассные. Они перерубают...

Самое твердое в мире — сталь, и не камень.

Самое твердое в мире — мерзлый ледяной сушок.

Златоустовский топор перерубает мерзлый ледяной сушок и не тупится.

курс

на

СЕВЕР

Немного экзотики:
бурина и длинна
Не замедляя упорный бег
Бросила русло
река Двина
К дивянской
вытнутой губе...

Север
улется
корявым внем
Плохо выбрitys берега...

Впрочем—
Гораздо лучше
о нем

Найдете у
Машина-Сибиряка...

Знает каждый
и я, и ты,
Что недуго ночь там
и целый день
Несет бесчисленные плоты
Реки ветронутая
межень...

И мы,
и кто плыл
По речной дивне,
Кто на огруди
и там
лез—

Знаем, что
движет
Людей по Двине
Борьба за
своистый
Советский лес.

Если знакомы
И мне и тебе

Эти леса,
И дыхание смол—
Мы видим,
как в этой тугой
борьбе

Крепнет
Северный комсомола

Там серые барки
бегут взарез,
Там выжмется
ростом

Лесной тоннаж
Там ловят
багром
Аварийный лес
И держат
Раущийся такелаж,
Там караваны плотов

Крепит
Там забывают
Селью и
дом—
И тысячи крепких
своих ребят
Зноуху
пронитывают
трудом!

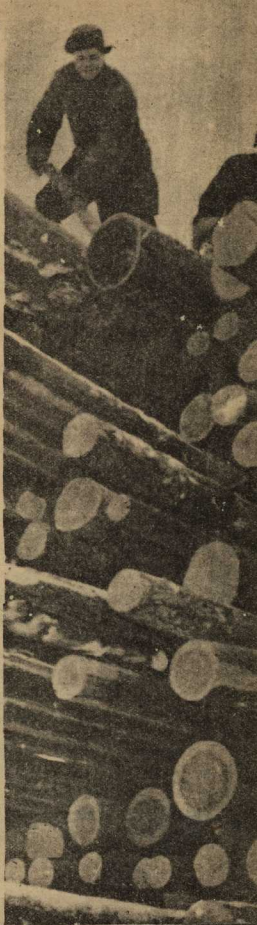
Зима проллет
Ледяна,

Тверда
И мой календарь
Полтвердит весну.

Робот солову—
И с ними тогда
Двину
на
Северную Двину!

БОРИС ЛАСКИН

фото селарфот

Ударная бригада колхозников, вырабатывающая 5 кубометров на человека в день, Нижне-Палингского района: Лыдеки, Ностин И. и Лысая С.

Ударницы именной лесозаготовительной базы

Ударники-основовики, перерабатывающие производственные отходы на 180-185%

ТАК БЬЕТСЯ ПУЛЬС ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

фото сестры